

БУРДЖАНЕ (БУЛГ-Р) СТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ В СОСТАВЕ ХАЗАРИИ

Лесостепи и Степи Правобережного Подонья, войной включенные в состав Хазарии, в VIII-X вв. были заняты этносами, которые в арабских письменных источниках обозначены "ал-лан" (اللان) и "бурджан" (بُورْجَان) (al-Huwarizmi, 1926). Они же составляли ядро населения салтово-маяцкой культуры (СМК) (Артамонов М.И., 1940, с.130-165; Ляпушкин И.И., 1958, с.140-142). Отношение каганата к населению, вошедшему в состав хазарских владений, было неоднозначным, о чем извещают письменные источники (Артамонов М.И., 1962, с.171-172), а также материалы раскопок памятников с территорий, подвластных хазарам. На этой "западной хазарской периферии" наиболее обстоятельно изучены памятники, расположенные в лесостепной полосе Среднего Дона и верховьях Северского Донца. Этот же регион имеет несколько образных этно-исторических, географических, геополитических понятий, к примеру "лесостепной аланский вариант салтовской культуры" (Винников А.З., Плетнева С.А., 1998, с.18-20; Плетнева С.А., 1999, с.64), "северо-западный рубеж Хазарского каганата" (Винников А.З., Плетнева С.А., 1998), "славяно-хазарское пограничье" (Плетнева С.А., 1989, с.268), "лесостепное пограничье" (Плетнева С.А., 1999, с.24). Приметы пограничья здесь прослеживаются, главным образом, по двум признакам: во-первых, по укрепленным поселениям – городищам, белокаменным крепостям, обустроенным на высоких коренных меловых берегах Тихой Сосны, Корочи, Северского Донца и других рек лесостепи (Плетнева С.А., 1967, с.25-44; Красильников К.И., 1986, с.255-256; Афанасьев Г.Е., 1987, с.88-142; 1993, с.123-129). Располагались они достаточно плотно, в среднем на расстоянии от 10 до 20 км, и этим, в совокупности со здешним хозяйственным потенциалом, создавали сравнительно надежную линию оборонительных укреплений (Плетнева С.А., 1989, с.7, рис.1). Из них, как считает С.А.Плетнева, осуществлялся контроль за перемещениями соседних племен, предупреждались вторжения со стороны севера, северо-запада, велось наблюдение за сухопутными и водными путями бассейнов рек Дона и Донца. Южнее в степи, среди нескольких сот поселений, выявленных в почти безлесом регионе среднего и нижнего течения Северского Донца, а

также в Северном Приазовье, ничего подобного, что напоминало бы фортификации, не прослеживаем (Красильников К.И., 1981, с.122-124).

Вторым свидетельством приграничья являются погребения воинов с оружием, конем, амуницией всадника (Плетнева С.А., 1989, с.69 и сл.; Аксенов В.С., 1998, с.39-50; 2005, с.245-260).

Для алан, обитателей исторически сложившейся "демаркационной зоны", протянувшейся вдоль славяно-хазарской границы, оружие и вооруженность населения являлись необходимыми условиями гарантий жизни и защиты. Неслучайно в захоронениях из этого региона чаще других в СМК находят амуницию оборонительно-наступательного назначения (Плетнева С.А., 1989, с.69-90; 1999, с.38-43).

По-другому выглядит исторический путь бурджан (прабоулгар). Подчиненные войной, они оказались в ином гражданско-правовом положении, в статусе зависимых, пребывали в открытых, доступных свободному проходу и контролю хазар поселений, естественно были ограничены в военном праве, следовательно, и в вооружении.

Вопросы, касающиеся оружия и военного снаряжения воинов Хазарского каганата и его подданных, в литературе рассматривались неоднократно (Мерперт Н.Я., 1955, с.131-168; Плетнева С.А., 1967, с.162-170; Крыганов А.В., 1987). Однако основное внимание в подобного рода исследованиях, традиционно отводилось либо аланским комплексам, либо военной экипировке собственно хазарского воинства (Комар А.В., Сухобоков О.В., 2000, с.1-19).

Актуальность предлагаемого нами материала в том, чтобы с помощью анализа вооружения, имевшего место в среде населения степного массива, осветить проблему социально-правового статуса его обитателей. Оба направления применительно к степному варианту СМК остаются неведомыми, хотя общий ход событий, предопределивших ситуацию, известен. Перспективу взаимоотношений степных народов с Хазарией определила хазаро-утигурско-оногурская война сер. VII в., в ней оногурские кочевники оказались разгромленными, небольшие части орды откочевали в Восточное Приазовье, Степной Крым (Баранов И.А., 1990, с.140-141), основная же их

масса осталась в Степном Донецком массиве. Естественно, что здесь мог сложиться режим, который по-другому не назовешь как подчиненность и зависимость здешнего населения каганату. В данном случае речь может идти о налогообложении и социальном бесправии (Плетнева С.А., 1976, с.7-10). Ал-Истархи, например, различает два рода хазар: черные и белые. В основе этого деления, вероятно, лежат не столько этно-расовые различия, сколько социальное-правовые. "Черные" (кара-будун) представляют низшие, зависимые, подданные слои населения; понятие "белые" как у тюрков, так и у других народов, определяет состояние свободы, привилегий, господства, аристократизма, воинства. Возможно, тогда же утвердился порядок, согласно которому поселениям был предопределен статус не более чем открытых, неукрепленных селищ. Как следствие, в степном массиве нет ни одного городища, не говоря уже о крепости. В нашем представлении, единственно "укрепленным" в этом массиве поселением следует считать Сидоровское городище, которое находилось на северо-западной окраине каганата, фактически на стыке степи с лесостепью, поэтому его все же надлежит отнести к памятникам лесостепной группы (Кравченко Э.Е., Давыденко В.В., 2001, с.250; Кравченко Э.Е. и др., 2005, с.285). В степи, в полном смысле этого понятия, все поселения-селища обустроивались лишь с учетом хозяйственной специфики и природных ресурсов, при этом не принимались во внимание естественно-рельефные условия местности, которые могли хотя бы условно обеспечить им защиту.

Свидетельства, касающиеся хазарских владений на западе, скудные, еще меньше в них о взаимоотношениях "бурджан" (ал-Хваризми) или "булг-р" (Иосиф) с хазарской администрацией. В этой связи единственными источниками по изучению статуса племен степного массива являются поселения, находки из построек селищ и ямных погребений могильников. Они в сравнении с катакомбными из лесостепи в вещественном потенциале несопоставимо бедны, зачастую безынвентарны (Красильников К.И., 1978а; 1991).

Малочисленность инвентаря, в особенности оружия и снаряжения всадников, отнюдь не говорит о бедности или невыразительности культуры здешних племен. В этом явлении усматриваем правовой статус населения в условиях его подчиненности Хазарскому каганату (Артамонов М.И., 1962, с.172-175). Сошлемся на артефакты, обнаруженные в захоронениях и на поселениях Степного Подонцовья. Весь так называемый "военный арсенал" здесь едва превосходит 30 единиц из без малого 400 исследованных захоронений 12 ямных могильников из предстепной и степной зон Северского Донца.

Всю серию известных нам изделий, относящихся к вооружению, классифицируем по 5 типам: тип I – боевые топоры (4 экз.), тип II – кистени (17 экз.), тип III – копыя (2 экз.), тип IV – кинжалы (4 экз.), тип V – стрелы (6 экз.). К числу сопутствующих оружию предметов относим костяные накладки луков – 12 экз., отдельной группой выделяем детали упряжек – стремена (8 экз.), удила (4 экз.), пряжки и кольца к ним. Поясные наборы, детали гарнитуры одежды и атрибуции война встречаются очень редко. К примеру, из 237 исследованных нами ямных захоронений только в двух (оба в Лысогоровке) обнаружены поясные наборы, состоящие из 11 и 13 бронзовых бляшек. Еще один найден в подкурганном захоронении у с.Обозное на Северском Донце.

Оружие. Тип I – топоры – 4 экз. (рис.1, 1-4). Два – из захоронений (Горшковка, Лысогоровка), еще два найдены в полуземлянках с. Роголик. В погребениях лесостепи боевые топоры попадают гораздо чаще, на некоторых могильниках почти в каждой второй катакомбе (Плетнева С.А., 1989, с.74).

Известные нам в Степном Подонцовье топоры изготовлены кузнечным способом и представлены двумя видами лезвий: подтреугольными (рис.1, 1-3) и прямыми (рис.1, 4). Обушковые стороны в одних случаях прямые (рис.1, 2, 3), в других – молоточковидные (рис.1, 1, 4). Общими признаками топоров являются изогнутость (рис.1, 1, 3) или выемка средней части (рис.1, 2, 4). От глубины выемок зависит конфигурация перехода от обушка к лезвию. Отверстия (проух) для древка (топорища) округло-овальные, размером не более 1,5х2,5 см, что не обеспечивает прочность топорищу в условиях применения топора в качестве инструмента хозяйственных работ, следовательно, их относим к числу боевых чеканов облегченного варианта, которые входили в военное снаряжение алан и известны в пределах их этнической прародины в Предкавказье, а позже и в Лесостепном Подонцовье и Подонье (Плетнева С.А., 1967, с.137-143; 1989, с.74-76). В степном регионе у праболгар боевые топоры как оружие не встречаются (Плетнева С.А., 1972, с.115 и сл.), в таком случае, обнаруженные в Степном Подонцовье топоры – не более чем презентация возникшей в среде сельских общин праболгар внутренней социальной элиты. Примером наметившейся в обществе дифференциации являются отдельные захоронения, исследованные у сел Горшковка, Желтое, Лысогоровка. Погребения части из них выполнены с особыми обрядами, проявившимися в усложненных конструкциях могил, разнообразии набора вещей, в том числе военной атрибутики, иногда на участке за

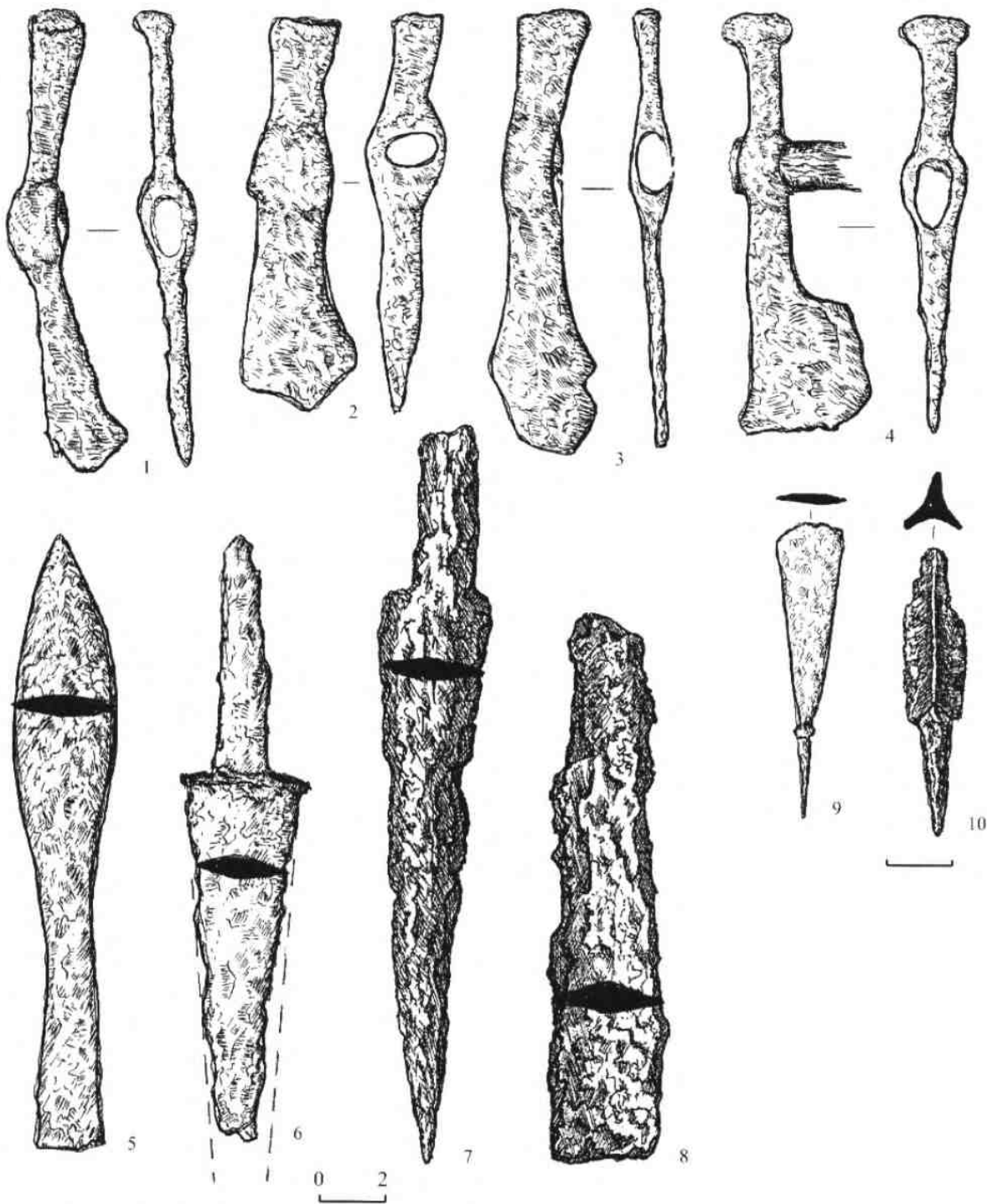

Рис. 1. Оружие из железа: 1-4 – топоры; 5 – копье; 6-8 – кинжалы; 9-10 – наконечники стрел.
 Fig. 1. Arms made of iron: 1-4 – axes; 5 – a spear; 6-8 – daggers; 9-10 – arrowheads

пределами общей территории захоронений сограждан, в том числе под курганами (Красильников К.И., 1978б, с.262-263).

К числу "боевых" приспособлений населения степей следует отнести **кистени**, которые составляют II тип оружия и в большинстве своем являются простыми приспособлениями (рис.2, 1-16).

Учитывая материалы, из которых изготовлены гирьки кистеней, различаем: металлические (железо, бронза, свинец), костяные, керамические и каменные. По форме гирьки подразделяются на шаровидные, грушевидные, биконические, овальные, дисковидные, фигурные (из таранных костей крупных животных). Общим признаком всех гирек являются сквоз-

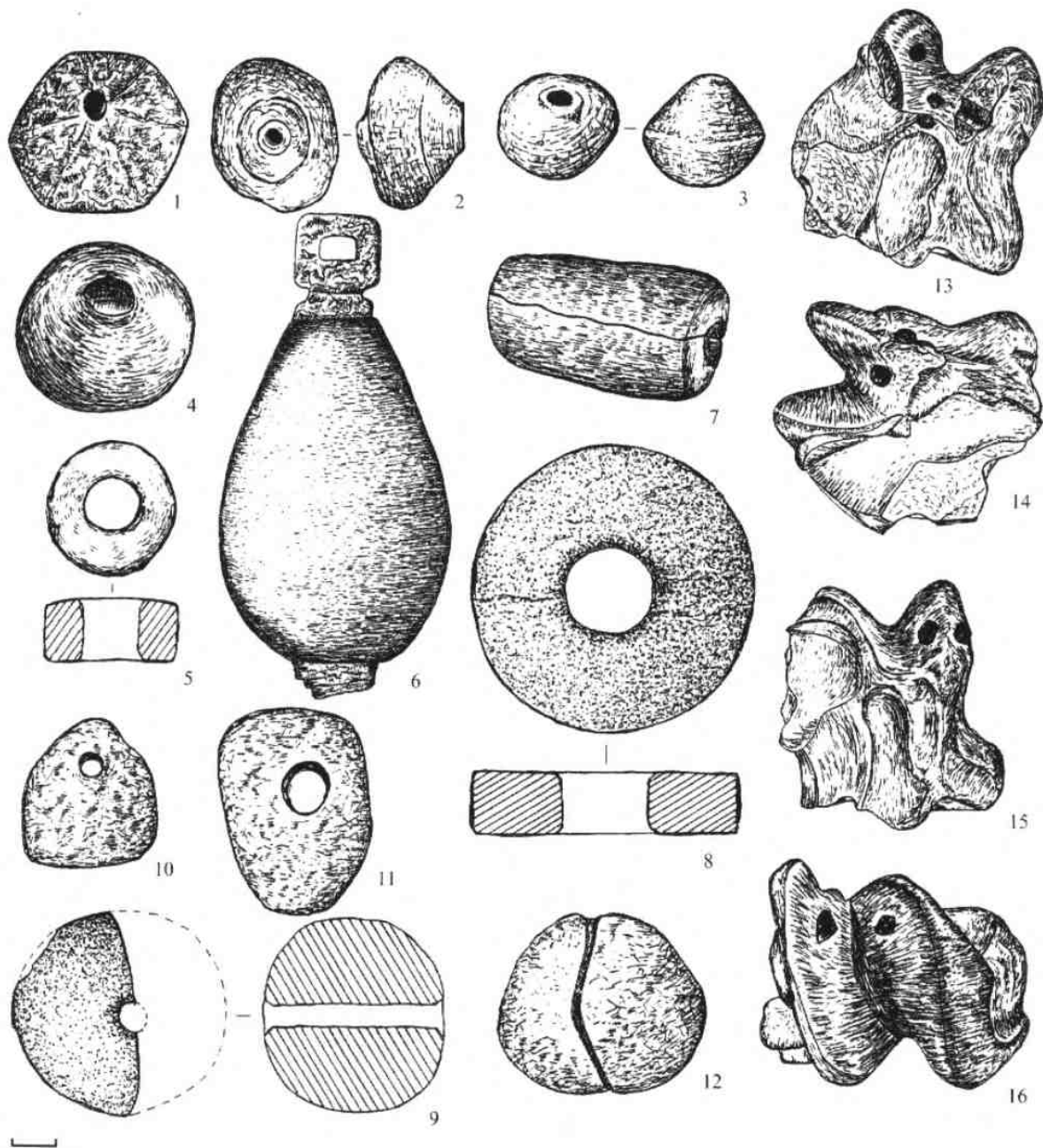

Рис. 2. Гирьки кистеней: 1-3 – металл; 4-7 – кость; 8-9 – керамика; 10-12 – камень; 13-16 – таранные кости.

Fig. 2. Weights of flail: 1-3 – iron; 4-7 – bone; 8-9 – pottery; 10-12 – stone; 13-16 – astragali

ные отверстия диаметром до 12 мм, иногда вместо отверстия для закрепления шнура по контуру гирьки пропилена канавка. У круглых, дисковидных, биконических, овальных гирек отверстия отцентрованы, у грушевидных и особенно у изготовленных из таранных костей они смещены к одной из сторон. Вес гирек различный, в пределах от 70 до 115 граммов.

Типология кистеней создана нами с учетом уже имеющихся по этому вопросу суждений, а также материалов, из которых изготовлены гирьки. Подтип А – гирьки кистеней из металла, в частности из железа (погр. 15, Желтое). Изделие отковано в форме округлого многогранника диаметром около 35 мм, с шестью плоскими сторонами, в центре

– сквозное отверстие, вес 113 г (рис.2, 1), (Крыганов А.В., 1987, с.63-64; Красильников К.И., 1991, рис.5, 3). Аналогичные кистени обнаружены в комплексах из г.Чистяково (Тахтай А.К., 1999, с.161, табл.1, 3) и на Сидоровском городище (Кравченко Э.Е., Давыденко В.В., 2001, с.249, рис.34, 7) – оба на Донетчине. Особенность гирьки из Сидорова в том, что крепление шнура-ремня осуществлялось не с помощью отверстия, а посредством специальной петли над шаром гирьки. Такие же железные петельчатые гирьки известны в Саркеле (Сорокин С.С., 1959, с.188, рис.32).

В погребении 15, с.Желтое найден череп с травмой, нанесенной ударом округлого предмета, вероятно, кистеня, с последующим разрушением костной ткани и проникновением ее стекло-видных обломков вовнутрь черепной коробки. Тяжелое ранение требовало проведения трепанации (Красильников К.И., Руженко А.А., 1981, с.285-288).

К подтипу А относим круглую, биконическую в разрезе гирьку, отлитую из бронзы, диаметром 30x33 мм, толщиной до 24 мм, весом 71,5 г (погр.107, Лысогоровка) (рис.2, 2). В центре проделано сквозное отверстие, оконтурное выступающими втулками, по наружному контуру гирьки прослежены все те же грани-выпуклости, посредством которых усиливался поражающий эффект удара. В отличие от железных, гирьки, отлитые из бронзы, даже в памятниках лесостепного массива находили очень редко (Шрамко Б.А., 1962, с.281, рис.109, 6; Крыганов А.В., 1987, с.65-66), в степной части бронзовая гирька из Лысогоровки пока что единственная.

К подтипу А также относим гирьку, отлитую из свинца, в форме биконуса (погр.106, Лысогоровка). Диаметр ее – 28-29 мм, высота – 26 мм, вес – 96,5 г, в центре – отверстие диаметром 5 мм (рис.2, 3). В катакомбных могильниках лесостепи гирьки из свинца не редкость, там они, видимо, входили в экипировку аланских воинов IX-X веков. Для степных памятников кистень с гирькой из свинца такое же “открытие”, как и из бронзы.

Подтип Б – гирьки кистеней из кости. По форме они подразделяются на шаровидные, грушевидные, овально-цилиндрические, дисковидные и фигурные. Шаровидные сделаны из суставной части конечностей крупных животных или, возможно, даже из головки большой берцовой кости человека, в центре шара – отверстие под шнур (рис.2, 4). Овально-цилиндрические длиной до 50 мм, диаметром 30 мм (рис.2, 7), со сквозным отверстием диаметром 7 мм. Близкие к ней изящные гирьки грушевидной формы длиной до 70 мм, наибольший диаметр – до 45-50 мм со сквозным отверстием, в которое вводили железный сердечник с петлей. При ее помощи

гирьку подвешивали на шнур или ремень (рис.2, 6). Эталоном кистеня с вислой гирькой, кроме известных в Саркеле (Сорокин С.С., 1959, рис.32, 2, 5, 7), является изделие из погребения у с.Обозное (Комар О.В., Пиоро В.И., 1999, с.153, табл.2, 10), однако, обозначенные авторами датировки практически однотипных кистеней из разных памятников дистанцированы почти в три столетия.

Следует назвать гирьку в виде диска, вырезанного из кости крупного животного с последующим округлением ее сторон. Диаметр диска – 50 мм, его толщина – 27 мм, диаметр отверстия – 20 мм, вес – 51 г (рис.2, 5). Внешне гирька напоминает прялице, однако, размеры, в особенности отверстия, не вполне соответствуют приспособлениям, применяемым в текстильной отрасли.

Новыми видами гирек кистеней, ранее не обозначенными в системе раннесредневекового вооружения, следует назвать те, что изготовлены из таранных костей крупных животных (рис.2, 13-16). На их выступах просверлены по одному или два отверстия, с помощью которых не только закрепляли ремень (шнур), но определяли ударную сторону. Естественные грани кости, плотность материала, наконец масса (их средний вес в сыром виде 86-90 г) вполне обеспечивали результативность поражения. Костяные гирьки весом около 90 г с учетом инерции движения с помощью шнура были действенным оружием ближнего боя. О силе удара свидетельствуют, во-первых, глубокие выбоины на поверхности костяных гирек, во-вторых, ремонты – сверления новых, взамен выломавшихся от удара, отверстий. Их обычно просверливали на противоположном выступе или сквозь тело таранной кости. Одна из гирек “расписана” елочным и линейным орнаментами, выполненными в технике прочерченности, что свидетельствует о ее принадлежности к предметам личной собственности.

Итак, наиболее общими признаками гирек из кости могут служить отверстия для ремней и, как следствие ударов, выбоины, выщерблены на их поверхностях. По наблюдениям А.В.Крыганова, костяные или роговые гирьки кистеней превалируют в салтовских памятниках степной части, датируемых IX-X вв. (Крыганов А.В., 1987, с.63), однако, такие же кистени прослежены в системе снаряжения русских воинов X-XIII вв. (Кирпичников А.И., 1971, с.59). Гирьки из кости, найденные в степном Подонцовье, подтверждают суждения А.И.Кирпичникова и А.В.Крыганова о том, что подобное оружие более всего распространено в южных регионах Восточной Европы, особенно в среде степняков (Крыганов А.В., 1987, с.66).

Подтип В – гирьки кистеней вылеплены из глины и обожжены до керамического состояния. Они, как и те, что выпиливали из кости, связаны

с индивидуальным изготовлением. Формы гирек нестандартные, например, одни из них – диско-видные диаметром 60 мм, толщиной 15 мм, диаметр отверстия по центру – 19 мм, вес – около 80 г (рис.2, 8). Учитывая большой диаметр отверстия, диск-гирьку на шнур закрепляли с помощью петли, о чем свидетельствует потертость и заглаженность краев отверстия. Другие гирьки изготовляли в форме шара диаметром 40–43 мм, в центре – отверстие диаметром 5 мм (рис.2, 9). Поверхность шара и края отверстия заложены, здесь же видны неглубокие выбоины, образовавшиеся в результате ударов о твердые предметы. На могильнике Лиманское озеро (погр.1) найдена керамическая гирька биконической формы диаметром около 3,7 см, толщиной 3,5 см, в центре проделано сквозное отверстие диаметром около 5 мм. Авторы находки относят его к числу пряслиц (Татаринов С.И., Копыл А.Г., 1981, с.307, рис.3, 8). В нашем представлении изделие с очень малым (5 мм) отверстием, в которое можно продеть не более, чем шнур, все же является подвесной гирькой кистеня и повторяет форму гирьки из металла (Кирпичников А.Н., 1971, с.58–66).

Подтип Г – гирьки нестандартных форм, изготовленные из камня – мергеля (3 экз.) (рис.2, 10–12), найдены на поселениях. Они различаются по способу крепления шнура, например, у одних по контуру прорезана специальная канавка, с помощью которой фиксировался шнур (рис.2, 12), у других – под шнур просверлено отверстие (рис.2, 10, 11). Гирьки из камня известны и в Степном Поволжье, попадают и в салтовских погребениях VIII в. в Подонье, к примеру, такие же изделия из глины и мергеля находили в Саркеле, но и здесь их традиционно относили к пряслицам (Левенок В.П., 1959, с.340, табл.IV, 21; табл.V, 5–8). С таким определением в условиях сложившейся традиции трудно не согласиться, но, учитывая особенности форм и размеров, вполне допустимо отнести их к числу гирек кистеней. Вместе с тем напомним, что в салтовских памятниках лесостепного Подонья гирьки, изготовленные из подручных материалов кустарным способом, практически не встречаются.

На фоне обычных упрощенных видов гирек кистеней заслуживает внимания по-настоящему боевой сложносоставной кистень из упоминавшегося подкурганного захоронения у с.Обозное на Северском Донце. В отверстии костяной гирьки грушевидной формы (80x54 мм) сохранился железный сердечник – стержень длиной 107 мм (рис.2, 6). С одной стороны он фиксировался с помощью расклепки, с другой – специальным прямоугольным ушком с прорезью для крепления шнура или ремня. Принадлежность кистеня к боевому оружию обоснована захоронением воина с очевидным социальным положением. Такие же кистени известны в

крепостях, где пребывали хазарские контингенты, а сами крепости являлись опорными центрами каганата, каким, к примеру, был Саркел. Кистень из Обозного более всего соответствует кистеням городища Маяки и хазаро-древнерусского Саркела – Белая Вежа, слой X в. (Сорокин С.С., 1959, рис.32, 2). К этой же группе следует отнести гирьку продолговато-овальной формы, изготовленную из кости, найденную на селище Новолимаревка IX века. Правда, в данной находке железный сердечник не сохранился, но о его присутствии свидетельствуют следы окислов железа на стенках отверстия.

К **III типу** оружия относится втульчатый ланцетовидной формы в сечении ромбовидный наконечник **копья** из железа. Найден на полу жилища-полуземлянки с.Рогалик. Размеры копья: длина – 150 мм, в том числе длина пера – 80 мм, ширина – 25 мм, длина втулки – 70 мм, ее наружный диаметр – 18 мм, внутренний – около 14 мм (рис.1, 5). Как известно, копья относятся к наступательному оружию пеших воинов и предназначены для ближнего, быстротечного боя (Кирпичников А.Н., 1971, с.66). Они же могли составлять оружейную экипировку конного воина, но на памятниках СМК как лесостепной, так и степной зон копья практически не известны, поэтому аналоги копью из Рогалика приходится искать либо среди славянского средневекового (XI–XIII вв.) либо западносибирского раннесредневекового (VIII–X вв.) оружия (Худяков Ю.С., 1980, с.50 и сл.). Редкие факты обнаружения копий в укрепленных поселениях СМК, свидетельствуют и об оборонительных функциях этого оружия, применяемого не раньше сер. IX в. (Плетнева С.А., 1981, с.148, рис.36).

Обстоятельства нахождения копья в одной из построек с. Рогалик установить сложно, важнее отметить то, что в этой же полуземлянке найден боевой топор. Жилище относится к большему (площадь 42 м²), в сравнении со многими постройками степных селищ салтовской культуры, и датируется 2-й пол. IX века. Эти и другие вещи находились в нише, внутри помещения, и, вероятно, по причине чрезвычайной ситуации оказались забытыми, а их владелец не имел возможности возвратиться. Котлован полуземлянки заплыл в ходе естественной эрозии почв.

Тип IV – **кинжалы** прямые, черенковые, колющие (рис.1, 6–8), найдены и в постройке полуземлянки с. Рогалик (рис.1, 6), и в захоронениях ямного типа могильников Лысогоровка и Желтое. От бытовых ножей они отличаются не только размерами, но и линзовидным или ромбовидным сечением клинка, в месте соединения клинка и черенка – упорный выступ. Кинжалы, оружие рукопашного боя, известны в катакомбных захоронениях лесостепного региона (Дмитриевский, Маяцкий

могильники) (Винников А.З., Плетнева С.А., 1998, с.184, рис.72; с.191, рис.77), в степных памятниках их находят лишь в случайных ситуациях, как это имеет место на Роголике, и очень редко в захоронениях (Лысогоровский могильник погр.106, 107, 135, рис.1, 7).

Одинаково мало в салтовских памятниках степного массива попадаются железные наконечники **стрел – V тип** оружия. География распространения и хронология плоских (рис.1, 9) наконечников очень широкая, происходят они из южно-сибирских пространств VI в. (Худяков Ю.С., 1980, с.96 и сл.).

На памятниках Подонцовья, к примеру, на городище Сидорово, могильниках Лиманское озеро, Лысогоровка (погр.140) найдены и трехгранные (трехлопастные) железные черенковые наконечники (рис.1, 9), (Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1990, рис.3, 10-14; Кравченко Э.Е., Давыденко В.В., 2001, с.248, рис.39). Стрелы, как боевое дистанционное оружие, связываем с упряжью и амуницией всадника, которые относим к группе сопутствующих военной экипировке изделий.

Сопутствующие предметы. Присутствие стрел предусматривает использование составных луков. О их существовании свидетельствуют срединные (плечевые) и концевые костяные накладки (рис.3, 1-8). Срединные изготовлены в виде пластин, у которых одна из сторон плоская, вторая, противоположная, дуговидная (рис.3, 3-8). На пластинах видны следы обработки и резные насечки. Концевые обычно короткие, узкие, в сечении треугольные, на верхней грани пропилены глубокая для закрепления тетивы прорезь (рис.3, 1, 2). Назначение накладок известно, они усиливали упругость дровка лука, следовательно, кинетическую возможность тетивы. Аналогии накладкам луков известны в широком ареале памятников, датируемых от IX-X до XII вв. (Медведев А.Ф., 1966, с.12; Круглов Е.В., 2005, с.73-142). В Степном Подонцовье накладки найдены как в постройках, так и в захоронениях. В первом случае готовые изделия и заготовки к ним обнаружены там, где, судя по всему, осуществляли обработку кости, во втором – в погребальных комплексах.

В кургане у с.Обозное пластины представлены срединными и концевыми, наружными и внутренними накладками. Сосредоточение целых и сломанных пластин в одном погребении объясняют преднамеренным изломом на части лука, исполненным при захоронении "... представителя знати хазар из числа североприазовского – нижнедонского населения VIII в." (Комар О.В., Пиоро В.И., 1999, с.151, 154). В погр.140 Лысогоровского могильника сохранились концевые накладки, с помощью которых удалось реконструировать размеры лука.

Расстояние между окончаниями пластин – 130 см, в промежутке между ними находился тлен древесины от лука, который, по всей видимости, следует отнести к числу легкого оружия. В этом же захоронении, в левой части груди, между ребрами, найден трехлопастный наконечник стрелы (рис.1, 10).

В степных памятниках VIII-X вв. одинаково мало представлена конская упряжь (рис. 4, 1-7), в двух случаях она связана с тризной (Татаринов С.И., Федяев С.В., 2001, с.370-371, рис.5, 6), в шести – обнаружена в захоронениях (Евдокимов Г.Л. и др., 1975, с.11-12; Красильников К.И., 19786, с.263, рис.2; Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1990, с.70, рис.5; Комар О.В., Пиоро В.И., 1999, с.151, 155, табл.1, 2). Детали упряжи обнаружены на Лысогоровском могильнике, в одном случае они входили в тризну (рис.5), в другом – находились в заполнении над захоронением. Тризна включала голову, часть конечности коня, фрагменты туши мелкого домашнего животного и набор железных предметов упряжи: удила, стремяна, пряжку. Удила двусоставные, с подвижным грызлом, но неподвижными петлями, прямыми, гвоздевидными псалиями (рис.4, 5). На псалиях находились прямоугольные петли с отверстием под уздечный ремень, здесь же отверстия, в которые вставлено по одному кольцу. Совершенно такие же удила найдены в заполнении ямы погр.133 из Лысогоровки, в захоронении у с.Горшковка, погребальных комплексах у г.Чистяково Донецкой обл. (Тахтай А.К., 1999, с.161, табл.1, 1), у с.Обозное на Северском Донце. Аналогии удилам находим на смежных с Подонцовьем территориях, прежде всего, в Саркеле (Сорокин С.С., 1959, с.150) и в катакомбных захоронениях лесостепи (Плетнева С.А., 1989, с.81, рис.38).

Кроме удил, в степных памятниках СМК (Лысогоровка, Горшковка, Бобриково, Дроновка) зафиксированы стремяна (рис.4, 1-4). Все они относятся к типу стремян с высоким, поднятым над дуговидной аркой, путищем. Подножки шириной 3-5 см, одни вогнуты во внутрь (рис.4, 3, 4), другие – прямые (рис.4, 1, 2). С нижней стороны подножек находится ребро жесткости. В комплект упряжи коней входят большие подпружные пряжки с прямоугольными рамками (рис.4, 6, 7).

Типологическое единство пряжек, стремян и удил из различных памятников СМК указывает на одновременность атрибутов, предназначенных к верховой езде, вместе с тем единичность находок в памятниках степного массива, где казалось бы им и быть, свидетельствует об отсутствии здесь всадничества как военного строя, что вполне могло исходить из ситуации, предопределенной хазарами по отношению к населению степной периферии. В Дмитриевском катакомбном могильнике, как и во всей лесостепи, детали упряжи находят в захороне-

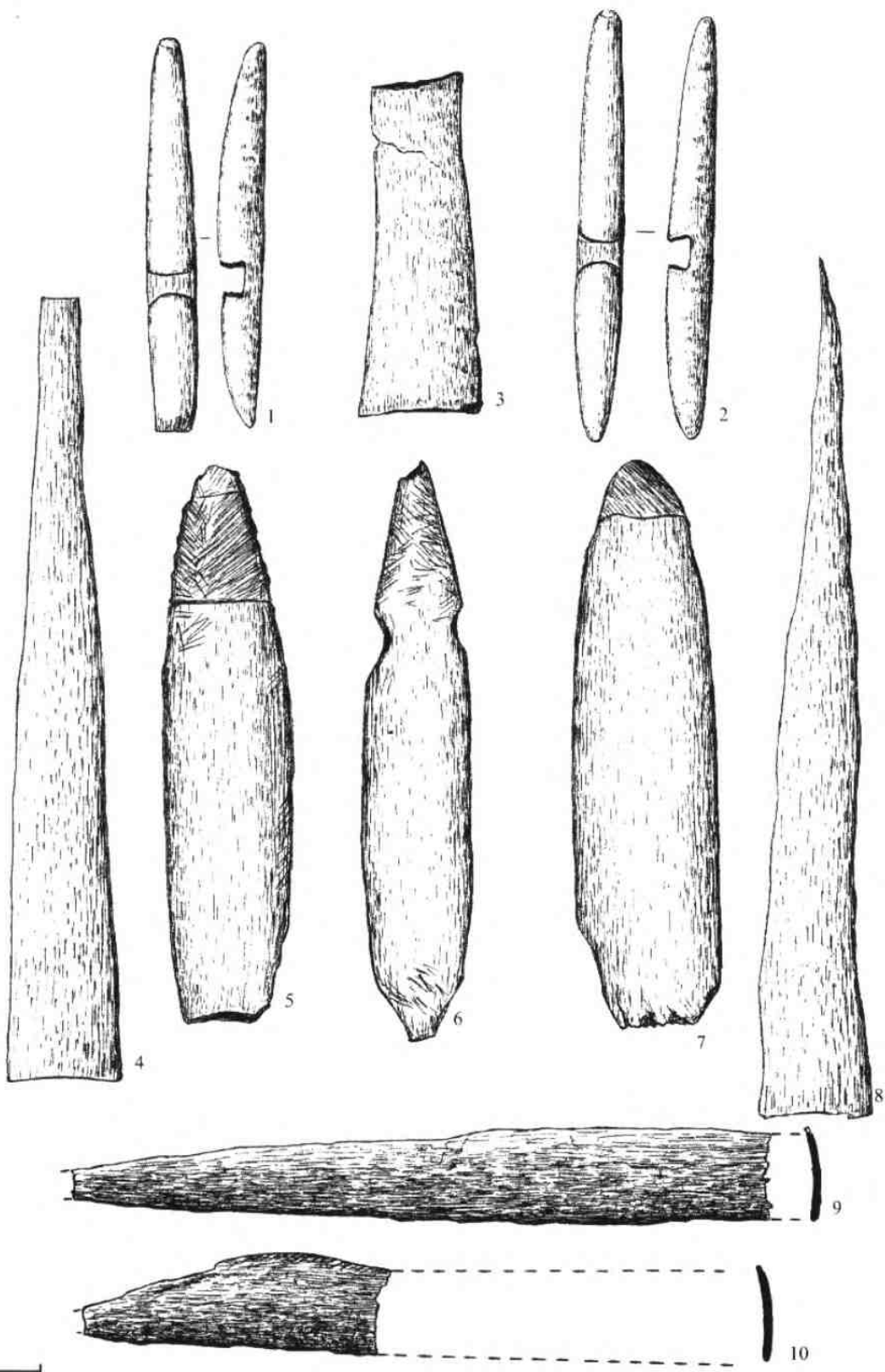

Рис. 3. Костяные накладки к лукам.
 Fig. 3. Bone overlays for bows

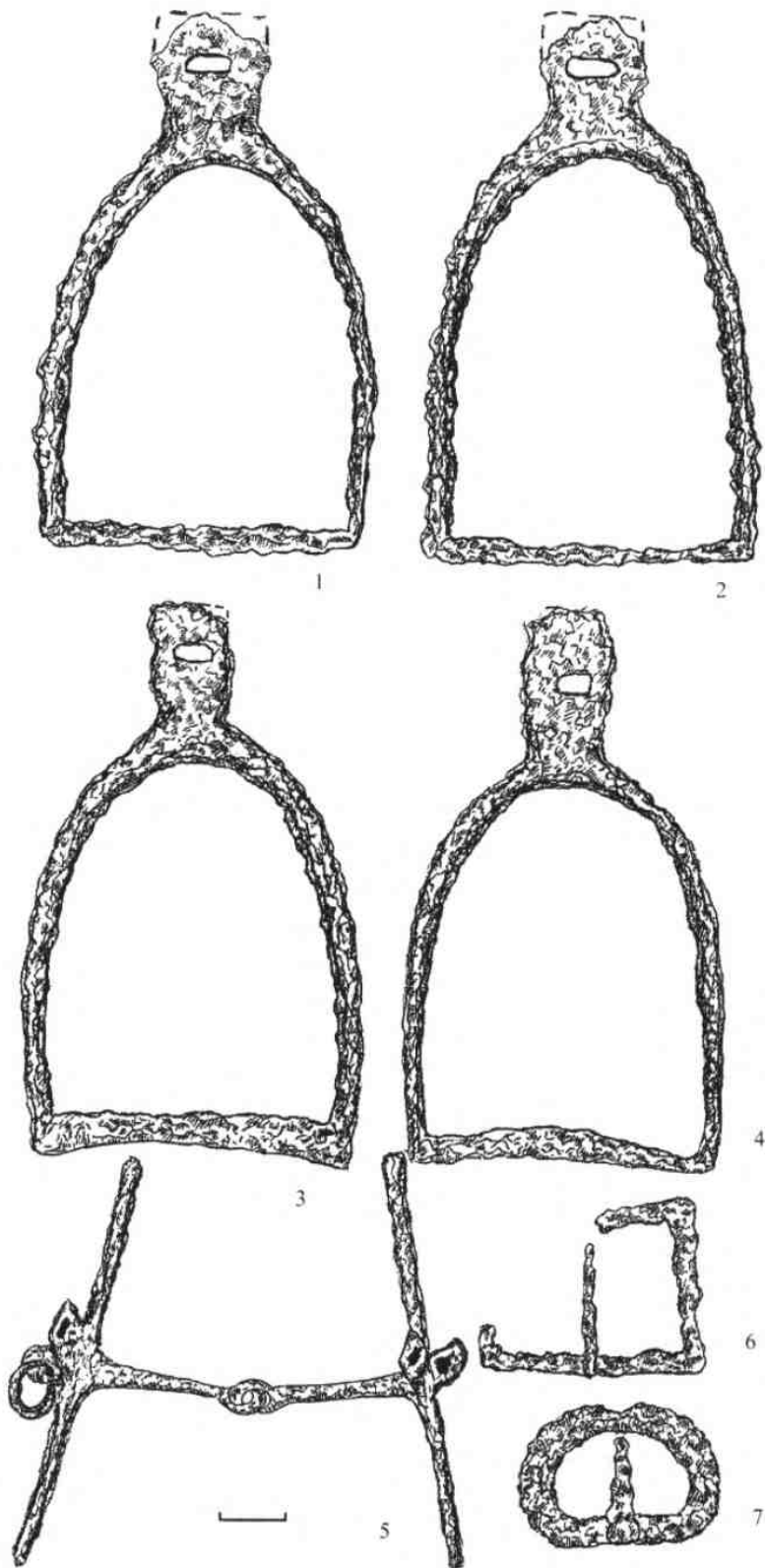

Рис. 4. Детали конской упряжи: 1-4 – стремена; 5 – удила; 6, 7 – пряжки (железо).
 Fig. 4. Horse harness elements: 1-4 – stirrups; 5 – bits; 6, 7 – buckles (iron)

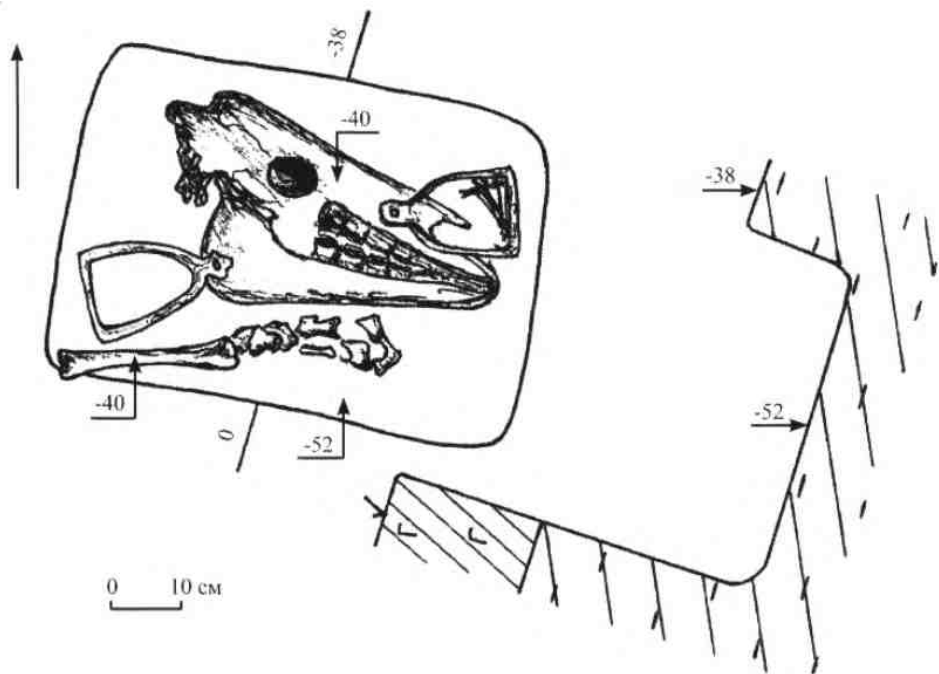

Рис. 5. Тризна на могильнике у с.Лысогоровка.
Fig. 5. The funeral feast at the burial ground near Lysogorovka village

ниях воинов из числа алан, в степном регионе редкие наборы таких же элементов упряжи увязывают с хазарами и датируют сравнительно ранним для салтовской культуры данного региона временем (Комар О.В., Пиоро В.Л., 1999, с.154). В этой связи возникает вопрос о правомерности хазарской принадлежности таких же вещей, найденных в могилах праболгар.

Аналогичные вопросы возникают в отношении поясных наборов (рис.6, 1-24). В ямных погребениях степного Подонцовья, в отличие от катакомбных захоронений лесостепной части СМК, они практически отсутствуют, ведь пока только в четырех из более чем 390 захоронений найдены поясные наборы (с.Лысогоровка, с.Обозное, г.Чистяково), еще несколько одиночных бляшек подняты из слоя селищ. Заметим, что в Лысогоровке оба захоронения с поясами не связаны с воинами, в двух других случаях (г.Чистяково и с.Обозное), по-видимому, захоронены воины. Суммарное количество находок деталей от поясов едва достигает 50 единиц и представлены они двумя видами изделий – бляшками (45 ед.) и пряжками (4 ед.).

По способу крепления бляшек их следует подразделить на две группы – с неподвижным и подвижным (вислым) приемами. Накладные бляшки закреплялись как путем нашивки, поэтому на каждой из них по три, четыре отверстия (рис.6, 1, 2,

4, 8-10), так и посредством гвоздевидных штифтов-шпилек (рис.6, 3, 5, 6, 7, 11, 18). Вислые, подвижные бляшки прикреплялись к поясу посредством колец, продетых в отверстие специальной петельки (рис.6, 20-23). В этом случае они были как бы шумящими. А.И.Айбабин и С.А.Плетнева считают, что с помощью бляшек с подвижными колечками подвешивали мелкие предметы туалета (Айбабин А.И., 1977, с.232).

Различаются бляшки и по рисункам. На одних, в основном нашивных, изображены стилизованные морды животных (рис.6, 12-17). Зооморфность прослеживается по роговидным выступам, глазницам и пасти. На других (из этой же группы) изображена растительность, напоминающая трилистник или лист лотоса (рис.6, 1-11, 18), (Чаллань Д., 1956, табл.1, 3). Следует отметить, что бляшки, даже из одной группы, только внешне одинаковые, на самом деле при детальном осмотре заметно, что они являются индивидуальными изделиями.

Известно, что пояса, точнее поясные наборы, – признак социального статуса владельца, его принадлежности к родовому и военному рангу (Плетнева С.А., 1999, с.39). В этих ситуациях учитываются как металл, из которого изготовляли бляшки (серебро, бронза), так и количество накладок, а, возможно, и сюжеты изображенных на них рисунков.

Непременными деталями поясов являют-

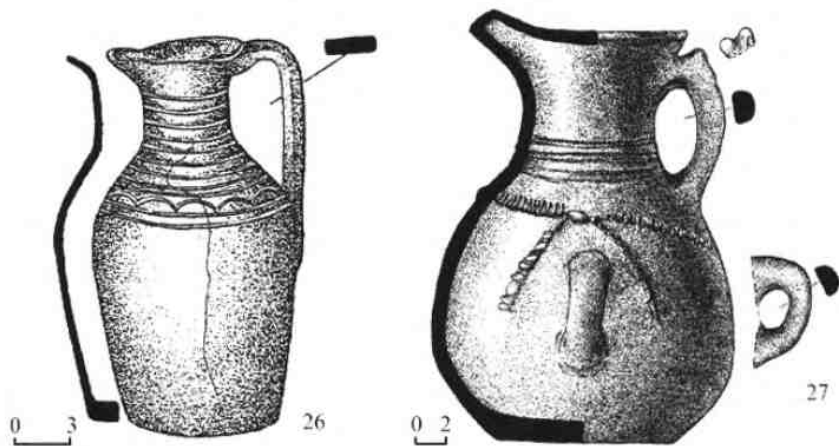
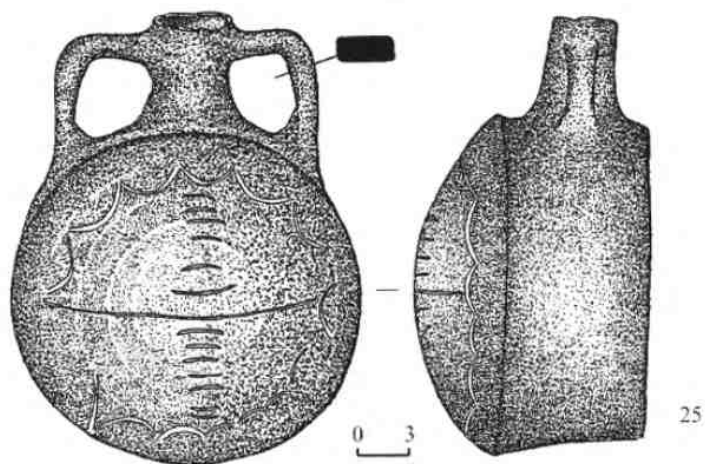
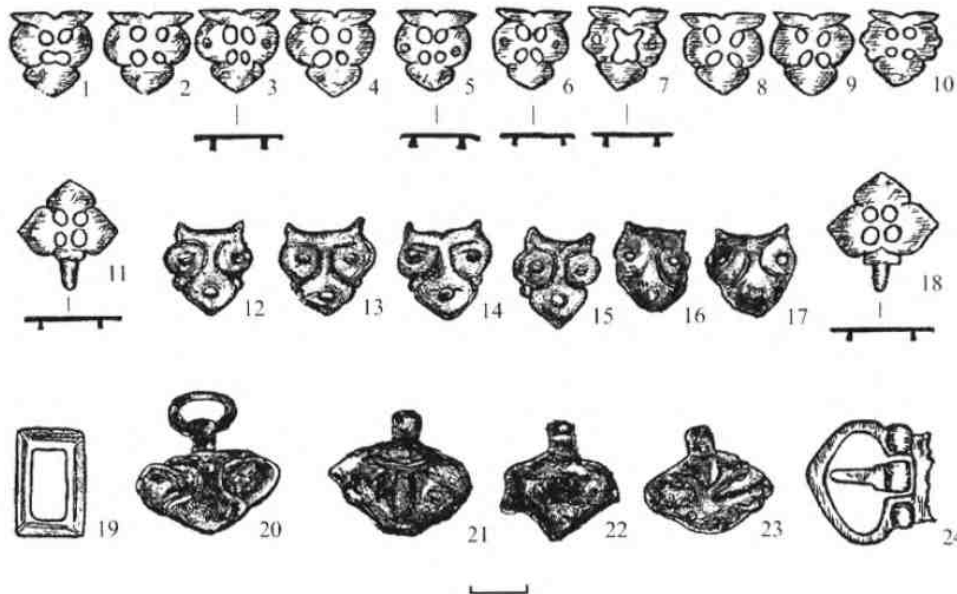

Рис. 6. Поясные наборы и керамический импорт: 1-24 – детали поясных наборов; 25 – фляга; 26, 27 – кувшины.

Fig. 6. Belt sets and imported pottery: 1-24 – belt set elements; 25 – a flask; 26, 27 – jugs

ся миниатюрные, художественно оформленные, отлитые из цветных металлов пряжки (рис.6, 24). Типологическая близость форм пряжек из Степного Подонцовья выявлена среди пряжек Крыма (Айбабин А.И., 1977, рис.1, 15; рис.2, 12-16, 18), в комплексах ранней группы катакомб Дмитриевского могильника. С учетом аналогий пряжки из Подонцовья датируются в пределах VIII-IX вв. и связаны с праболгарами (Ковалевская В.Б., 1979, с.36-37, табл.XV, 16; XVII, 12).

Совершенно мало в степных салтовских памятниках импорта, что, в свою очередь, свидетельствует об ограниченности населения этого края во внешнем общении. К импортным изделиям, прежде всего, относим фляги и редкие в находках посуды степной полосы светлые кувшины (рис.6, 26-27). К сожалению, из восьми известных нам фляг только четыре происходят из конкретных могильников – у пос.Станично-Луганское, с.Нижняя Ольховая, с.Лысогоровка и г.Чистяково, в остальных случаях это – непаспортизированные находки, хранятся в музеях гт.Антрацит, Лисичанск, пос.Беловодск. К числу фляг из комплекса следует отнести найденную в заурядном погребении 131 Лысогоровского могильника.

Фляга сделана с помощью гончарного круга из качественной керамической массы, обжиг светлый, желто-паленого цвета. По форме она напоминает цилиндр, у которого одна сторона плоская, вторая сильно выпуклая, почти полусферическая. Горловина фляги расположена посередине цилиндра, к ней с двух сторон прилеплены петлевидные ручки. Выпуклая сторона фляги ornamentирована охристой краской: по контуру прорисована гирлянда, в средней части тулова изображена тонкая сплошная осевая линия, от центра которой кверху и книзу прорисованы соответственно 6 и 7 скобовидных полос длиной от 2,5 до 5 см (рис.6, 25). Проникновение фляг в Степное Подонцовье следует связывать с хазарами, которые, начиная с сер.VII в. контролировали степные массивы своей западной периферии, но других признаков их культуры здесь проследить не удается.

Еще реже, буквально эксклюзивно, в керамических наборах лощеной посуды представлена посуда северокавказского и крымского производства.

Традиционно на салтовских бытовых поселениях присутствуют фрагменты раннесредневековых амфор, однако, динамика находок из различных типов памятников существенно различается. На стойбищах-кочевьях соотношение фрагментов амфор ко всем другим типам посуды составляет от 24 до 38% (в среднем 31%), на селищах IX-X вв. это же соотношение в пределах 10-12% (Красильников К.И., 1999, с.171). Причины почти трехкратного сокращения тарно-амфорной посуды, видимо, в

том, что со временем хозяйственные связи населения степей с соседним Приазовско-Крымским экономическим пространством заметно сузились. Отдельные изделия импорта в степях представлены порой не более, чем одиночными экземплярами. Примером может служить кувшин, найденный в жилой постройке селища Новолимаревка. Сосуд сложной формы, в которой сочетаются округлое тулово и раструбовидная горловина, заканчивающаяся эйнохоевидным сливом. Кувшин оформлен двумя посаженными на тулово петлевидными, декоративного назначения ручками, еще одна соединяет горловину и тулово. Она удлиненная, с зооморфным изображением. На тщательно заглаженной до блеска поверхности тулова посредством налепного валика в виде перевитой веревки с узлами в местах пересечений в стиле низкого барельефа выполнен орнамент (рис.6, 27). Среди керамического материала СМК Подонья даже близких аналогий кувшину нам найти не удалось.

В керамическом комплексе селищ степей Подонцовья иногда находим обломки высокогорлых эйнохоевидных красноглиняных одноручных кувшинов крымского производства. В погребениях они порой присутствуют в целых формах. Примером может служить кувшин из ямного погребения могильника Лысогоровка (рис.6, 26). Он одноручный, стройной пропорции, желто-оранжевого оттенка, поверхность залощена, обжиг “звонкий”. Верхняя часть тулова, плечики, горловина украшены горизонтальными, прямыми и волнистыми линиями, выполненными белой краской.

Такой тип кувшинов происходит из Тамани и мастерских раннесредневекового Крыма (Якобсон А.Л., 1979, с.60-62), где является наиболее массовой посудой салтовского времени (Плетнева С.А., 1963, с.52). В городищах VIII-X вв. на Нижнем и Среднем Дону такие же кувшины не редкость, но на сельских поселениях их заметно меньше. Что касается территории Степного Подонья, то здесь они практически отсутствуют (Плетнева С.А., 1963, с.58).

Комментарии

В заключении, ссылаясь на характер всей серии находок, прежде всего оружия, обобщим наши наблюдения, касающиеся статуса населения, пребывавшего в степях. По их содержанию нетрудно заметить, что у местного населения преобладало простейшее, буквально “бытовое оружие”, к примеру, кистени. А.В.Крыганов отмечает, что боевые гирьки-кистени внедрились в систему ближнего боя приблизительно с VIII-IX веков. Однако это не значит, что кистень обрел статус оружия, входившего

в экипировку воинов, напротив, его применительно к степной части СМК следует рассматривать, как "народное", для самообороны или даже "разбойничье" оружие, бытующее в основном в среде гражданского сообщества. Видимо, не случаен тот факт, что основная часть гирек кистеней, найденных в Степном Подонцовье, изготовлена из подручных материалов (кость, глина, камень), а находки обнаружены в бытовых постройках. Гирьки из металлов, найденные в захоронениях, отличающихся обрядом и инвентарем (погр.106, 107 могильника у с.Лысогоровка, погр.15 могильника у с.Желтое), следует отнести к оружию. Они свидетельствуют о социальной градации, возникшей внутри здешних сельских общин. Других видов оружия даже в условно "элитных" захоронениях Лысогоровского могильника, за исключением единственного топора, не встречено. Видимо, любое оружие в среде гражданского населения не допускалось в силу все той же зависимости праболгар от хазар. Кистени, являясь упрощенным видом оружия, вероятно, использовались не более, чем как приспособления самообороны. Об этой же функции свидетельствуют находки железных гирек из нижнего "гражданского" (К.К.) горизонта славянского слоя Белой Вежи (Сорокин С.С., 1959, с.188). Однако некоторые их разновидности, в особенности те, которые тщательно исполнены из кости или рога, снабжены железными стержнями со специальными проушинами для подвешивания на пояс, со знаками и тамгами, демонстрировали презентабельность кистеня как личного оружия, атрибута вооружения как хазарских, так и русских воинов (Артамонов М.И., 1952, с.76, рис.52; Щербак А.М., 1959, с.363-364).

Поражающие возможности кистеней подтверждают травмы черепов. Следы деформации теменной кости в виде локальных вмятин, образовавшихся в результате удара тупым предметом, зафиксированы на двух черепах погребений могильника у с.Желтое. На этом же могильнике найден череп со сквозным локальным разрушением. Черепная коробка со следами вогнутого пролома обнаружена в захоронении Лысогоровского могильника, но в данном случае после травмы человек жил сравнительно долго, в результате инкапсулирования костных тканей края излома зарубцевались. Черепа со следами травм, хирургической трепанации и регенерации находятся в экспозиции археологического музея ЛНПУ. Аналогичные травмы, образовавшиеся от ударов, зафиксированы еще на нескольких черепах, но без специальной экспертизы что-либо определенное по этому вопросу сказать сложно.

Возникает вопрос, насколько сильным был удар кистеня, который порой приводил к локальному разрушению черепа? Ссылаясь на данные, при-

веденные в публикациях, заметим, что сила удара боевым кистенем или вислой булавой, с учетом веса гирьки 200-400 г и длиной ремня или рукоятки 70-80 см, составляла от 7 до 14 кг на см², разрушительные кости черепа происходит уже при ударе около 8 кг на см². Следовательно, поражение этими видами оружия предопределяло либо ранение, либо тяжелую травму со смертельным исходом (Кирпичников А.Н., 1971, с.64-66).

Легкие гирьки кистеней весом 60-120 г, к тому же, если они были изготовлены не из металлов, естественно обладали значительно меньшим поражающим эффектом, а поэтому, повторяя уже сказанное, заметим, что их могли применять в ситуациях, связанных с внутренними, возможно, бытовыми конфликтами, в том числе при самообороне. По всей видимости, нанесение удара таким приспособлением приводило к травмированию разной степени тяжести.

А.В.Крыганов, ссылаясь на географию распространения гирек кистеней, сделанных из различных материалов (камня, металла, кости), считает, что каждый подтип кистеней "имеет" свой определенный ареал бытования. С такой точкой зрения трудно безоговорочно согласиться. Например, в Степном Подонцовье обнаружено практически все многообразие кистеней, нестандартность форм и материалов гирек обусловлены индивидуально-кустарным способом их изготовления.

Носили кистени подвешенными к поясу с левой стороны, на что указывает их местонахождение в захоронениях. Для приведения в действие использовали шнуры, ремни длиной 50-60 см. Удобство пользования кистенем определялось еще и тем, что для его хранения, ношения и сокрытия не требовалось дополнительных приспособлений, даже обычная одежда утаивала кистень. В ранге же оружия кистени могли носить легализованно, то есть закрепленными с помощью ремня-шнура к поясу.

Несколько проблемно выглядит вопрос о боевых топорах, являющихся оружием как конных, так и пеших воинов. В отличие от массивных и тяжелых средневековых боевых топоров, салтовские топоры изящные, легкие и вполне могли служить оружием воинов внутренних ополчений. Однако население степной части Хазарии вряд ли могло сформировать собственные военные структуры, поэтому одиночно найденные топоры являются, на наш взгляд, личными вещами. В этой связи нет никаких оснований предполагать существование признаков раннефеодального общества с его атрибутами, прежде всего в лице вооруженных сил и правой верхней руки.

Отсутствие наступательного оружия, в особенности сабель, свидетельствует о том, что у степных племен в салтовское время не существовало

не только легкой кавалерии, но и обычных воинов, которые могли бы составить военные структуры наподобие алан.

Таким образом, "оружейные комплексы", представленные простейшими наборами, характеризуют зависимое положение населения, статус которого мог быть определен хазарской администрацией в соответствии с подчиненным статусом территории и ее обитателей в лице праболгар.

Однако благодаря взвешенной хозяйственной и налоговой политике по отношению к подвластному населению здесь прослеживаются позитивные и продуктивные тенденции развития экономики, что способствовало переходу кочевых общин скотоводов к сельским оседлым общинам, базируемым на земледелии, домашнем приселищном скотоводстве, промыслах и даже ремеслах (Красильников К.И., 1976, с.267-277; 1979, с.60-69). В комплексе эти отрасли составляли хозяйственно-экономический потенциал СМК, он одинаково убедительно подтвержден раскопками поселений как лесостепной, так и степной зон Доно-Донецкого бассейна. Однако гражданский статус населения из двух близлежащих массивов был неравнозначным. Это касалось не только права на участие населения в военных контингентах, но и внешних связей.

Тем не менее, хазарский каганат, являясь огромным и мощным государством, сумевшим длительное время противостоять Византии и Арабскому халифату, в западном и северо-западном направлениях все же был уязвим как со стороны ближайших соседей, например, славян, так и на своей территории со стороны подчиненных им же народов.

Ссылаясь на материалы, характеризующие военные структуры каганата, отметим, что его вооруженные силы состояли из регулярных контингентов (воинов-всадников) и ополченцев. Первые официально состояли на службе (Хвольсон Д., 1869, с.657 и сл.) и, как сообщает ал-Массуди, получали жалование из царской казны (Гаркави А.Я., 1870, с.130). Однако обеспечить порядок на подвластных каганату территориях, охранять границы, протянувшиеся на тысячи километров, сдерживать военные натиски извне и другие задачи, в решении которых требовались бы значительные военные контингенты, даже профессиональной армии в 10-12 тыс. человек, которой якобы обладала Хазария, было бы не под силу. Поэтому на отдельных участках, как,

например, северо-западном пограничье, в контактных зонах со славянами, хазары к несению службы привлекали местное население – алан. Последние могли входить в состав легковооруженных воинов, например, пехоту, оснащенную луками, боевыми топорами, и, являясь местным населением, они собственными поселениями и хазарскими крепостями обеспечивали эшелонированную оборону северных и западных рубежей каганата.

Совершенно иная "функция" в каганате отводилась "бурджанам" (праболгарам), им надлежало заниматься хозяйством, платить дань хазарской феодализованной администрации, в этой связи не случаен факт существования понятия "Черной Болгарии", население которой было лишено права участия в военном деле, ношения оружия. Вероятно, поэтому из более чем 390 захоронений праболгар, исследованных в Подонцовье к югу от лесостепи, только в 12 находилось оружие, никак не совместимое с понятием военная экипировка наступательного назначения, известная в захоронениях воинов из числа алан, а тем более хазар. По всей видимости, право хранения, ношения и применения боевого оружия на праболгар не распространялось. Нет убедительных признаков существования у праболгар конного военного строя, пока не найдено ни одной сабли, нет деталей доспеха, нет поселений с признаками укрепленности. Здесь были только открытые селища, а функции защиты территории и поддержания правопорядка осуществляли военные силы каганата. Учитывая удаленность степей Подонцовья от зон возможных военных вторжений, хазары не возводили крепости, а, следовательно, не содержали военные контингенты подобно тем, которые имели место в лесостепном приграничье. В свою очередь, местное население не предпринимало противодействия каганату, по крайней мере, признаки очевидных конфликтов не прослеживаются и нигде не фиксируются, напротив, развитие хозяйства, соразмерность и стабильность уклада привлекали в степи население из близких и более отдаленных территорий (Красильников К.И., 2001, с.318-320). Наконец, отметим, что отсутствие в среде праболгар внутренних военных структур, как и арсенала оружия, в определенной степени объясняют ситуацию и обстоятельства внезапной гибели салтовской культуры и судьбу населения, лишенного возможности собственной защиты в условиях упадка и гибели Хазарии и внешних вторжений.

Литература и архивные материалы

Айбабин А.И., 1977. Салтовские поясные наборы из Крыма// СА. № 1.

Аксенов В.С., 1998. Об уровне вооруженности населения салтовской культуры// Вісник ХДУ. № 413.

Харків.

- Аксенов В.С.**, 2005. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.
- Артамонов М.И.**, 1940. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии// СА. Т.VI.
- Артамонов М.И.**, 1952. Белая Вежа// СА. Т.XVI.
- Артамонов М.И.**, 1962. История хазар. Л.
- Афанасьев Г.Е.**, 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)// Археологические открытия на новостройках. Вып.2. М.
- Афанасьев Г.Е.**, 1993. Донские аланы. М.
- Баранов И.А.**, 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. К.
- Винников А.З., Плетнева С.А.**, 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Воронеж.
- Гаркави А.Я.**, 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X в. по Р.Х.). СПб.
- Евдокимов Г.Л., Симошенко А.В., Загребельный А.Н.**, 1975. Отчет о раскопках курганов у с.Астахово Свердловского района Ворошиловградской области// НА ИА НАНУ. № 1975/50.
- Кирпичников А.Н.**, 1971. Древнерусское оружие. Вып.3// САИ. Вып.Е1-36.
- Ковалевская В.Б.**, 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки// САИ. Вып.Е1-2.
- Комар О.В., Піоро В.І.**, 1999. Кургани хозарського часу на Луганщині// Vita Antigua. № 2. К.
- Комар А.В., Сухобоков О.В.**, 2000. Вооружение и военное дело Хазарского каганата// ВАЖ. Вып.2(3). К.
- Копыл А.Г., Татаринов С.И.**, 1990. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар средневековья// Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Кравченко Э.Е., Давыденко В.В.**, 2001. Сидоровское городище// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
- Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В.**, 2005. Исследования археологического комплекса у с.Сидорова// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.
- Красильников К.И.**, 1976. Гончарные мастерские салтово-маяцкой культуры// СА. № 3.
- Красильников К.И.**, 1978а. Отчет о раскопках могильников М¹ и М² у с.Новолимаревка Беловодского района Ворошиловградской обл. в 1978 г.// НА ИА НАНУ. № 1978/147-149.
- Красильников К.И.**, 1978б. Раннепеченежское погребение у с.Горшковка// СА. № 4.
- Красильников К.И.**, 1979. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце// КСИА. Вып.160.
- Красильников К.И.**, 1981. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья// СА. № 4.
- Красильников К.И.**, 1986. Крепость салтово-маяцкой культуры// АО 1984 года.
- Красильников К.И.**, 1991. Могильник древних болгар у с.Желтое// Проблемы на прабългарската история и култура. София.
- Красильников К.И.**, 2001. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII-нач. X в.// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
- Красильников К.И., Руженко А.А.**, 1981. Захоронение хирурга на могильнике у с.Желтое// СА. № 1.
- Красильников К.И.** 1999. Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцкої культури середньовіччя// Vita Antigua. № 2. К.
- Крыганов А.В.**, 1987. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII – X вв. Дис. ... канд. ист. наук. Харьков.
- Круглов Е.В.**, 2005. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.
- Левенок В.П.**, 1959. Пряслица городища Саркела – Белая Вежа// МИА. № 75.
- Ляпушкин И.И.**, 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры// МИА. № 62. Т.1.
- Медведев А.Ф.**, 1966. Ручное метательное оружие VIII-XIV вв.// САИ. Е1-36.
- Мерперт Н.Я.**, 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье// СА. Т.XXIII.
- Плетнева С.А.**, 1963. Средневековая керамика Таманского городища// Керамика и стекло древней Тмуракан. М.
- Плетнева С.А.**, 1967. От кочевий к городам// МИА. № 142.
- Плетнева С.А.**, 1972. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья// Новое в археологии. М.
- Плетнева С.А.**, 1976. Хазары. М.
- Плетнева С.А.**, 1981. Восточноевропейские степи во второй половине VIII-X в.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

- Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М.
- Плетнева С.А., 1999. Очерки хазарской археологии. Москва; Иерусалим.
- Сорокин С.С., 1959. Железные изделия Саркела – Белой Вежи// МИА. № 75. Т. II.
- Татаринов С.И., Копыл А.Г., 1981. Дроновские древнеболгарские могильники на р.Северский Донец// СА. № 1.
- Татаринов С.И., Федяев С.В., 2001. Новые раннеболгарские погребения из могильника Дроновка-3 на Северском Донце// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
- Тахтай А.К., 1999. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округа г.Чистяково Сталинской области// Vita Antigua. № 2. К.
- Хвольсон Д., 1869. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Ибн Даста, арабского писателя нач.Х в.// ЖМНП.
- Худяков Ю.С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск.
- Чаллань Д., 1956. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства// Acta Antiqua. T.IV. Budapest.
- Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
- Щербак А.М., 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи// МИА. № 75. Т. II.
- Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
- al-Huwarizmi, 1926. Das Kitab surat al-ard des Abu Ġa'far Muhammad Ibn Musa al-Huwarizmi Herausgegeben nach dem handschriftlichen Unicum der Bibliothéque de l'Université et régionale in Strassburg (cod. 4247) von Hans v. Mžik// Bibliothek arabischer Historiker und Geographen herausgegeben von Hans v. Mžik. Band 3.Leipzig.

Summary

K.I. Krasilnikov (Lugansk, Ukraine)

BURGEANS (BULG-R) OF SEVERSKY DONETS STEPPE REACHES AS PART OF KHAZARIA

Alans (al-lan) and proto-Bulgarians (burgean) formed an ethnic nucleus of population of the western outskirts of Khazaria which became its part in the middle of the 7th century as a result of wars. The Kaganat administration took a dual attitude towards their nationals determined both by military strategies and economic interests.

Considering the lack of written records of relations between the authorities and their people within the Khazar territory the archaeological evidence concerning both military fortification and objects of weapon from burials began to play a most important role. In this case we mean the specific nature of weapon, ammunition and harnesses from burials in pits of the steppe area burial grounds of the Saltov-Mayaki culture. According to their function the whole range of finds may be divided into two groups: weapon and objects related to equipment (harness). These groups are further subdivided into the following types of objects: axes, flails, spears, daggers, arrows, protective bow straps, stirrups, bits, buckles, and belt sets. Surprisingly, limited variety of ordinary weapon, predominance of its simplified types; lack of offensive weapon and equipment, armour and other artifacts indicates the absence of not only professional warrior-riders but also foot-irregulars. The local population from the proto-Bulgarians – burgeans (al-Khorezmi), bulg-r (Joseph) which belonged to kara-budun ("Black Bulgarians") was eliminated from the military system of Khazaria, restricted and probably even isolated from the foreign contacts; it discharged mere economic and tributary duties and was devoid of its own military and administrative structure. Due to the total absence of fortified settlements and military equipment it is easy to explain the circumstances of a sudden collapse of the Saltov culture and to presume the destiny of the population intentionally deprived of self-defense.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2006 г